

STUDI SLAVI

Università degli Studi di Pisa

Istituto di Lingua e Letteratura russa

Istituto di Filologia Slava

N° 4

Collana di studi e strumenti didattici diretta da
Giuseppe Dell'Agata, Stefano Garzonio, Jaroslava Maruřková

М. Л. ГАСПАРОВ

АНТИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Предисловие Стефано Гардзонни

ECIG

1995

STUDI SLAVI, n°4.

M.L. Gasparov, *Antičnosť v ruskoj poèzii XX veka*. Prefazione di S. Garzonio, ECIG, Genova - Pisa 1995.

© M.L. Gasparov

© Prefazione. S. Garzonio, 1995

© Istituto di Lingua e Letteratura russa, Pisa, 1995

Preparazione del testo di Nikolai Mikhailov

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (С. Гардзонио)	5
М.Л. Гаспаров АНТИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА	
I. В. Брюсов – Н. Гумилев – Вяч. Иванов	8
II. О. Мандельштам: "За то, что я руки твои..." – стихотворение с отброшенным ключом	58

Валлада Вяч. Иванова *Суд огня* интересна для рассмотрения, потому что в ней мы можем сравнить сразу три текста: ее античный источник, прозаический пересказ этого источника самим Ивановым и поэтическую переработку его в балладе.

У Павсания, VII, 19, 1-9, пересказывается такая история. В ахейском городе Патрах есть чтимая могила героя Эврипила. Почет ей воздается вот почему. Когда-то здесь полюбили друг друга красивый юноша и красивая девушка, жрица Артемиды. Родители были против их брака и тогда эти античные Ромео и Джульетта соединились в храме Артемиды. Богиня разгневалась, и оракул велел приносить ей в жертву мальчика и девочку, пока не приедет из-за моря чужой царь с чужим богом и не прекратит эти жертвоприношения. Этим чужим царем оказался фессалиец Эврипил. Когда греки взяли Трои и делили добычу, ему достался ларец с изображением Диониса работы бога Гефеста, дар Зевса Дардану, древнему троянскому царю. То ли эту святыню не успел унести с собой Эней, то ли ее нарочно подбросила Кассандра на беду тому эллину, которому она достанется. Эврипил, когда открыл ларец и увидел изображение, тотчас помутился разумом и почти не приходил в себя. Он поплыл не в Фессалию, а в Дельфы, и спросил там бога, как ему исцелиться. Бог сказал: "где найдет он незллинские жертвоприношения, там поставить ларец и поселиться". От Дельфов он приплыл на соседний ахейский берег и увидел, как там ведут на

заклание мальчика и девочку. Он понял, что это и есть неэллинское жертвоприношение, а ахеицы поняли, что это и есть чужой царь с чужим богом. Эврипил выздоровел, а ахеицы перестали губить своих мальчиков и девочек. Миф этот малоизвестен, ни у одного другого автора не упоминается, да и Павсанием, как мы видим, упоминается лишь мимоходом, как довесок к местному мифу об Артемидиных Ромео и Джульетте.

Для Иванова с его интересом к античному дионисийству, конечно, в центр внимания выдвигается образ Диониса. Одна из первых его статей (1904) *Ницше и Дионис*, начинается пересказом этого мифа – прозой, но возвышенно-архаизированным стилем. "Когда богатыри эллинские делили добычу и плен Трои, – темный жребий выметнул Эврипил, предводитель фессалийских воинств. Ярая Кассандра ринула к ногам победителей, с порога пылающих сокровищниц царских, славную, издревле закрытую скрью, работу Гефэста. Сам Зевс дал ее некогда старому Дардану, строителю Трои, в дар – залогом божественного отчества. Промыслом тайного бога досталась ветхая святыня бранною мздой фессалийцу. Напрасно убеждают Эврипила товарищи-вожди стеречься козней неистовой пророчицы: лучше повергнуть ему свой дар на дно Скамандра. Но Эврипил горит изведать таинственный жребий, уносит ковчег – и, разверзнув, видит при отблесках пожара – не брадатого мужа в гробу, увенчанного раскидистыми ветвями, – деревянный, смоковничный идол царя Диониса в стародавней раке. Едва взглянул герой на образ бога, как разум его помутился. Такою возникает перед нами священная повесть, кратко рассказанная Павсанием.

Наше воображение влечется последовать за Эврипиллом по горящим тропам его дионисийского безумия. Но миф, не замеченный древними поэтами, безмолвствует. Мы слышим только, что царь временами приходит в себя и в эти промежутки здравого разумения уплывает от берегов испепеленного Илиона... искать врачевания у Аполлонова треножника. Пифия обещает ему искупление и новую родину на берегах, где он встретит чужеземное жертвоприношение и поставит ковчег. Ветер приносит мореходцев к побережью Ахаии. В окрестностях Патр Эврипилл выходит на сушу и видит юношу и деву, ведомых на жертву к алтарю Артемиды... Так узнает он предвозвещенное ему место упокоения; и жители той страны, в свою очередь, угадывают в нем обетованного им избавителя от повинности человеческих жертв, которого они ждут, по словам оракула, в лице чужого царя, несущего в ковчеге неведомого им бога, он же упразднит кровавое служение дикой богине. Эврипилл исцеляется от своего священного недуга, замещает жестокие жертвы милостивыми во имя бога, им возвещенного, и, учредив почитание Диониса, умирает, становясь героем-покровителем освобожденного народа."

Мы видим: во-первых, рассказ Иванова совершенно отрывается от местного мифа об ахейских Ромео и Джульетте, эта мещанская история его не занимает. Во-вторых, он усиливает приметы святости Дионисова образа: это не статуя работы Гефеста (Гефест делал только ларец), это "деревянный смоковничный идол", связанный с растительными силами земли, а в Ахаию его приносят как "неведомого бога", словами из *Деяния Апостолов*. В-третьих, явление

этого Дионисова кумира ярко театрализовано: "при отблесках пожара", "промыслом тайного бога", "напрасно убеждают стеречься козней" и т. д. Можно почти с уверенностью сказать, что в своей прозе Иванов пересказывает не только Павсания, но и свою уже написанную балладу *Суд огня*: "делили добычу и плен Трои" – "Плен делить и славу Трои", одинаково редкое словоупотребление "плен = пленники", стиль тот же.

Но повод к рассказу Иванова совершенно другой. Статья его называется *Ницше и Дионис*, эврипиловский миф в ней рассказывается как притча о Ницше. Тотчас за этим рассказом следуют слова: "Эта древняя храмовая легенда кажется нам мифическим отображением судьбы Фридриха Ницше. Так же завоевывал он, сжигая древние твердыни, с другими сильными духа Красоту, Елену эллинов, и улучил роковую святыню. Так же обезумел он от своего таинственного обретения и прозрения. Так же проповедал Диониса – и искал защиты от Диониса в силе Аполлоновой. Так же отменил новым богопознанием человеческие жертвы старым кумирам узко понятого, извне налагаемого долга и снял иго уныния и отчаяния, тяготевшее над сердцами. Как оный герой, он был безумцем при жизни и благодетельствует освобожденному им человечеству – истинный герой нового мира – из недр земли. Ницше возвратил миру Диониса: в этом было его посланничество и его пророческое безумие..." и т. д. Далее Иванов выясняет свои согласия и несогласия с Ницше: как и Ницше, он принимает дионисийство как одну из основ человеческой культуры, но Ницше противопоставлял Диониса Христу, а Иванов сближает их, подчеркивает в Дионисе черты

страдающего, искупающего и перерождающегося бога и в этом смысле считает Диониса античным предвестием Христа.

Эту свою концепцию дионисийства Иванов вмещает в балладу *Суд огня* (сборник *Cor ardens*).

СУД ОГНЯ

Pánta tō pūr krincī

Гераклит

4 Вся пожарі Идут герои
 От опальных очагов -
 Плен делить иклады Трои,
 И сокровища богов.

8 Каждый мышцей неистомной
 Алая сечи мзду купил.
 Встал - и емлет жребия темныя
 Фессалиец Эврипил.

12 И потупил бранник лютыя
 Быстрых глаз бесстрашный бег -
 На Гефэстов пресловутыя
 Златокованныя ковчег.

16 Дар отеческим залогом
 От Крониона Дардан
 Древле взял, - что тайным богом
 Эврипилу ныне дан.

– "Эврипилі струям Скамандра
Вверх нетронут страшный дар:
Не вотще его Кассандра,
20 Озираючи пожар,

"С окровавленного прага
К нашим ринула ногамі
С ярых уст скипала влага, –
24 Их суды слышны богам.

"Эврипилі струям Скамандра
Ты предаю неверный дар:
Стелет недругу Кассандра
28 Рока сеть и мрежи кар"...

Но героям царь не внемлет:
Испытать обет немой
Он горит, и клад подъемлет,
32 И бежит, укрытия тьмой.

Скрыню раскрыл – и при заревах ночи
Мужа прекрасного видит в гробу.
Светятся стеклом неотводные очи;
36 Ветви густые сплелися на лбу.
В левой – сосуд; жезл – в деснице торжественной.
Долгие хитон испещряют цветы.
Дышат черты

- 40 Силою божественной.
- Царь изрыл тайник и недрам
Предал матерним ковчег.
А из них в цветеньи щедром, -
- 44 Глядь - смоковничный побег
- Приснул, сочный, распускает
Крупнолистные ростки, -
Пишным ветвиюм ласкает
- 48 Эврипиловы виски.
- Ствол мгновенный он ломает,
Тирс раскидистый влачит:
Змия в руке своей столп вздымает,
52 Жала зевные сучит...
- Бросил тирс, бежит и слышит,
Робкий, с тылу шип змеи...
Сжатой злобы близость дышит...
- 56 И в Скамандровы струи -
- Он нырнул и раменами
Поборает кипь быстрин...
Бык, изрыгнутый волнами,
60 Разъяренный из пучин
- Прянул на берег и гонит
Эврипилов бедный страх...

- Витязь бег ко граду клонит, -
64 Враг храпит, взрывая прах...
- Стелют стогна звонкий камень;
Очи горький дым слепит...
Уж не бык ревет, а пламень,
68 И не змии - пожар шипит:
- В очи глянет, жалит жалом,
Пишет ярость горнил...
Вдруг настиг - и в вихре алом
72 Сердце сердцем подменил...
- Дик он озрелся на площади. Здания
Мощи пылают. В скорбной топле
Жены поднимают клики рыдания...
76 Юноша-бог - на горящем стоппе!..
Бог ли ковчега - тот отрок властительный?
Кудри-фиалки под шлемом темны.
Очи влажны
80 Мглою опьянительной...
- Обуян виденьем скачет,
Бога славя, Эврипил.
"Та, что здесь по муже плачет
84 Иль по сыне", - возопил: -
- "Иль по дочери поятю
На срамленье ко врагу,

- Иль по храмину богатом
88 И родному очагу, –
- “Пусть пред Вакхом браней пляшет,
Стан согбенный разогнет!
Пьяный пламень поле пашет,
92 Жадный жатву жизни жнет.
- “Все лизнет и все рассудит
С Геея сплетшийся Перун.
Кто пребыть дерзнет – пребудет:
96 Ветхий Феникс вечно юн.
- “Жив убийцею-перуном,
Поединком красен мир.
Разногласье в строе струнном,
100 И созвучье в споре лир.
- “Пойте пагубу сражений!
Торжествуйте севы сечи
Правосудных расторжений
104 Лобызайте алым мечи
- “Огневого воеводы
Множьте, множьте легионы!
Кто прильнул к устам свободы,
108 Хмелем молний упоен,
- “Ляжет в поле опаленный, –

Но огнем прозябнет – жечь.

Лобызайте очервленныи –

112 Иль, схватив, вонзайте – мечи”

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

1 *Вей пожар* – в нейтральном стиле было бы “вейся, взвиваясь”.

2 *Опальных* – обычное значение “впавших в немилость”, здесь усиленное – “враждебных” (речь идет о Трое, враждебной грекам); присутствует и этимологическое значение “опаленных огнем, сожженных”.

3 *Плен* – синекдоха вместо “пленники”. *Клады* – обычное значение “спрятанные сокровища”, здесь просто “сокровища”.

4 *Мышца* как анатомический термин – слово непозитическое; здесь архаическая метонимия (от Псалтири): “рука, сила”. *Неистомныя* – обычно “неутомимыя”.

5 *Алая сечи* в значении “кровавой” – такие метонимии ощущались как резкая примета “декадентского” стиля. “Сеча” (битва) для начала XX века – архаизм. *Мзда* (компенсация) в значении “награда” – тоже.

7 *Емлет* (принимает) даже в XIX в. употреблялось только с приставками: “объемлет, приемлет” и пр.

9 *Бранник* – воин, от “брань” – война, слово, к середине XIX века вышедшее из употребления во избежание омонимии с “брань” – ругань. *Лютыя* – обычно с негативным значением (“лютя зверь”), здесь – нейтрально.

11 *Гефэст* – имя бога обычно писалось через "е", здесь это "э" выглядит манерностью. *Пресловутый* – обычно с негативным значением ("с дурной славой"), здесь – просто "знаменитый".

12 *Ковчег* в значении "ларь, ларец" – слово церковного языка; в быту оно однозначно понимается лишь как "Ноев ковчег".

13 Инверсия вместо: "Дардан древле (архаизм вместо "когда-то, некогда") взял от Крониона [этот] дар, который ныне тайным богом дан Эврипилу". *Отеческим залогом* – т. е. в залог дружбы, данной отцу за отнятого сына. Дардан был отцом Ганимеда, похищенного Зевсом на небеса. *Кронион* как имя бога Зевса обычно употребляется только в переводах из Гомера.

17 *Скамандр* – река близ Трои; рифма с именем *Кассандра* – реминисценция из *Торжества победителя* Шиллера в переводе Жуковского.

18 *Нетронут* – в обычной речи было бы "нетронутым".

19 *Вотще* вместо "напрасно" – архаизм.

20 *Озираючи* – стилистический контраст: архаизм не славянского, а народно-поэтического стиля, вместо "озирая". В конце строфы – резко ощутимый анжамбман.

21 *Праг* вместо "порог" – славянизм, редкий даже в поэзии XVIII века и почти непонятный в XX веке.

22 *Ринуть*, бросить: в современном языке лишь в возвратной форме "ринуться".

23 *Скипала* (вскипала и текла вниз) – неупотребительное слово.

24 *Их суды*, т. е. высказывания ("суждения") уст пророчицы Кассандры.

26 *Неверный* в значении "ненадежный" – архаизм, отсылающий к пушкинской эпохе; сейчас в этом значении говорится только о людях.

28 Плеоназм: нейтральное слово "сеть" и архаическое "мрежи" – синонимы. Слово "кара" (наказание) во множественном числе сравнительно малоупотребительно.

29 *Внемлет* – слабо ощутимый архаизм, продолжавший жить в поэзии начала XX века, но затем вышедший из употребления.

30 *Испытать обет немоя* – осуществить свое молчаливое намерение (слово "обет" обычно значит "обещание, данное богам").

31 *Горит* в значении "сильно жаждет" – обычно только в сочетании с существительным, "горя надеждой" и т. п. *Подъемлет* (см. выше, прим. к ст. 7) – в нейтральном стиле было бы "поднимает".

33 *Скрыня* (парец) в начале XX века было уже только южнорусским диалектизмом; Иванов смело вводит его в высокий стиль, опираясь на этимологию (лат. *scrinium*) и поддерживая "народной этимологией" ("СКРЫню раСКРЫл"). Слово *зарев* обычно во множественном числе не употребляется; здесь имеется в виду горящая Троя.

34 *Муж* в значении "мужественный человек" – поэтизм; в разговорной речи "муж" значит "супруг".

35 *Скло* вместо "стекло" – реминисценция из Пушкина ("Полтава"), где он*d* было употреблено как украинизм (ср. выше "скрыня"); больше в русской поэзии оно

практически не употреблялось. Любопытно, что в гомеровской Греции стекла, как известно, не существовало. *Неотводные* – скорее ожидалось бы “неотводимые”.

37 *В левоя* – архаизмом звучит опущение слова “руке”. Впрочем, еще архаичнее было бы “в шуице...” – наиболее точный антоним слова “в деснице”. *В деснице торжественной* – метонимия: “торжественным” может быть жест, а не рука.

41 *Изрыл* – вместо “вырыл”. *Недрам матерним* – т. е. “земным”; *матерния* вместо “материнский” – архаизм, уже в XIX веке неупотребительный.

45 *Прыснул* о прорастающем растении не архаизм, но малоупотребительная метафора.

47 *Ветвие* (собирательное существительное) – архаизм, уже в XIX веке остававшийся только в высоком церковном стиле.

48 *Виски* в значении “голова” – калька латинской синекдохи, в русском языке очень редкая.

49 *Ствол мгновенный* (мгновенно выросший) – смелая метонимия.

50 *Влачит* вместо “волочит” – один из наименее ощутимых архаизмов этого стихотворения: такая форма еще была жива в поэтическом языке XIX века.

51 Смысл строки: “в его руке столбом вздымается змей”, возникший из тирса. Фраза, действительно, неудачная, потому что может быть понята: “змея в своей руке (I) вздымает какой-то столб”. Написания “змий” и “столп” архаичны, но в XIX веке встречаются, а “столп” во фразеологизмах (“столпы общества”) употребителен и теперь.

52 *Жала* - по-видимому, имеется в виду не несколько жал, а один раздвоенный язык змеи. *Зевние* - очень редкое слово.

54 *С тьму* - вместо обычного "сзади". Слово "робкий" относится к Эврипилу.

55 *Сжатая злобы* - смелая для того времени метафора.

56 *Скамандровы* (вместо более правильного "Скамандрские") - напоминание о том, что река Скамандр представлялась грекам одушевленным существом, богом.

57 *Рамена* вместо "плечи" - архаизм с сильной окраской языка Библии и Илиады в переводе Гнедича.

58 *Поборае* вместо "борется с..." таким же образом напоминает о Библии и Слове о полку Игореве. *Кипь* вместо "кипенье" ощущается скорее как неологизм, чем как архаизм. *Выстрин* (и далее *пучин*) - множественное число, необычно употребленное вместо единственного.

59 *Изрыгнутыя* вместо "извергнутыя" - рискованный архаизм: еще Сумароков упрекал Ломоносова за пользование этим глаголом, касавшимся ему не высоким, а грубым. Заметим два строфических анжамбмана подряд - после ст. 56 и 60.

61 *Гонит Эврипилов... страх* вместо "устрашенного Эврипила" - метонимия малоупотребительного типа.

62 *Бег... клонит* вместо "направляет" - метафора, сравнительно менее заметная.

65 *Стогна* (площади) - архаизм, встречающийся еще у Пушкина (но не позднее); здесь он подчеркнут метафорой-олицетворением с аллитерацией "СТелют СТогна..."

69 *Жалит жалом* – такая *figura etymologica* в XIX веке считалась бы недопустимым плеоназмом.

71 *В вихре алом* – ср. тот же эпитет в ст. 5; здесь он (менее удачно) должен передавать цвет пожара.

72 *Сердце сердцем подменил* – душевное преобразование Эврипила, кульминация стихотворения; из-за того, что напряженность этого момента не выделена в общем потоке высокого стиля, она почти теряется.

73 *Озрелся* – в нейтральном стиле было бы "осмотрелся" (хотя глагол "озираться – живой, не архаический).

74 *Мощи здания* – смелая метафора (слово "мощи" обычно означает только "останки святых"). При этом слово "здания" звучит здесь почти прозаизмом – вряд ли намеренным.

75 *Подъемлют* – см. прим. к ст. 7; *подъемлют клики* – метафора общеупотребительная.

78 *Кудри-фиалки* – от греческого прилагательного, которое Иванов переводил буквальной калькой "фиалко-кудряя" и которое означало просто очень темный ("иссиня-черный") цвет волос.

81 *Скачет* в значении "пляшет" едва ли не сознательная реминисценция из церковнославянской *Библии*, где говорится, как Давид "скакал" перед ковчегом Завета; если не помнить этой ассоциации, то этот глагол звучит почти комически.

84 *Возопил* (вскричал) – это слово и само по себе ощущается как архаизм, а задвинутое в середину фразы и не снабженное местоимением "он" – особенно. Здесь и в

следующей строфе - опять два строфических анжамбмана подряд, от этого напрягается интонация.

85 *Поятой на срамленье*, т. е. "похищенной на позор - архаизм, отсылающий к языку летописей и *Русской правды*. *Храмина* в значении "храм" звучит простым синонимом, в значении дворец - легким архаизмом, а в значении "частный дом" (как здесь) - сильным архаизмом.

89 *Вакх браней* - новообразование по образцу библейского "Бог сил" и т. п. *Пляшет перед Вакхом* - та же ассоциация, что и в ст. 81.

90 *Согбенный* - архаизм, но сравнительно малоощутимый (употреблялся в поэзии всего XIX века).

92 *Жадный* без существительного двусмысленно: то ли это тот же "пламень", то ли (вероятнее) человек, причастившийся культу огня-Диониса. Броские аллитерации в ст. 91-92 вызвали восторг у символистов и упреки в безвкусице со стороны их критиков; они стали расхожей цитатой.

94 *С Геея сплетшийся Перун*, т. е. русский бог огненных молний, соединившийся браком с греческой богиней земли: сочетание образов, подчеркивающее их аллегоричность.

95 *Пребыть* - быть вечно.

96 *Ветхий* в приложении не к предмету, а к живому существу, - архаизм.

97 *Перуном* - здесь это слово написано с маленькой буквы и означает просто "молнию" (архаизм, вышедший из употребления в начале XIX века).

98 *Красен* в значении "прекрасен" – поэтизм не книжного, а народно-песенного стиля. *Разногласье... в споре лир* – образ из Гераклита.

102 *Севы сеч* (ср. прим. к ст. 5) т. е. битвы с благим результатом: слово "севы" у символистов – более частое, чем в XIX веке.

103 *Расторжение* во множественном числе – тоже символистское новшество.

104 *Алия* – см. прим. к ст. 5 и 71.

108 *Хмелем молний упоен* – реминисценция из зачина *Оды к радости* Шиллера.

109 *В поле опаленния* – осязаемая аллитерация; образ перекликается с "опальными очагами" в ст. 2, последняя строфа – с первой.

110 *Прозябнет* (о растениях) собственно значит "прорастет"; но корень "зяб-нуть" в нем очень осязаем, и словосочетание "прозябнет [чтобы] жечь" звучит резкой анти-тезой.

111 В концовке – резкая инверсия, выносящая главное слово "меч" на самое заметное последнее место. Нормальный порядок слов: "Схватив очервленния (т. е. "алия", как в ст. 104) меч, лобызайте его или вонзайте!"

Из павсаниевского мифа о Эврипиле здесь – только завязка: в том же высоком стиле, с теми же оттеняющими мотивами: "Эврипил! струям Скамандра / Ты предав неверный дар: / Стелет недругу Кассандра / Рока сеть и мрежи кар..." Основной стихотворный размер, четырехстопный хорей, и исходная картина, дележ добычи, подсказаны шиллеровским

Торжеством победителей, Siegesfest: Priams Feste war gesunken, / Troia lag in Schutt und Staub... – по-русски эта баллада известна в двух знаменитых переводах Жуковского и Тютчева. Иванов перебивает этот размер двумя дактилическими пассажами – это напоминает еще более архаическую форму разноразмерной кантаты. Оба дактилические пассажа соответствуют двум сюжетно главным моментам: двум явлениям Диониса: сперва Эврипила, потом народу. Оба облика Диониса досочинены Ивановым; первый (венок, сосуд, жезл) более или менее держится античных иконографических привычек, второй (“юноша-бог – на горящем столпе”) вполне фантастичен. Сюжет, подводящий к этому второму облику, тоже досочинен Ивановым (вспомним: “наше воображение влечется последовать за Эврипиллом по горящим тропам его дионисийского безумия”). В срединной части баллады Дионис преследует Эврипила сперва в виде смоковничного венка, потом – змея, потом – быка, потом – огня, и здесь, в огне, происходит преобразование: “Вдруг настиг и в вихре алом / Сердце сердцем подменил”. Здесь – явление Диониса на горящем столпе, и затем проповедь неистового Эврипила перед страждущими троянками в горящей Трое: он учит их превозмочь горе, очистившись огнем, обретя Свободу с большой буквы и войдя в череду мировой борьбы, где погибающий возрождается вновь: “Жив убийцею-перуном, / Поединком красен мир; / Разногласье в строе струнном, / И созвучье в споре лир. / Пойте пагубу сражений! / Торжествуйте севы сечі Правосудных расторжения / Лобызайте алья мечі..” Эта образная диалектика – гармония струны как разногласие и согласие, огонь как общия

знаменатель бытия - восходит к Гераклиту; отсюда гераклитовский эпиграф к стихотворению "Огонь всему судья", и само заглавие, *Суд огня*. Мы видим: на суховатый (зложелатель скажет: бестолковый) рассказ Павсания наслаивается идейный пласт дионисийского мифа, а затем образный пласт огненного мифа; наслаение вполне произвольное, потому что в культуре Диониса огонь играл роль не большую, чем в любом другом культе. Иванов выступает здесь не перелагателем, а сочинителем мифа в буквальном смысле слова - мифотворцем, выдающим (как всякий мифотворец) свой новосложенный миф за унаследованный от древности.

Этот огненный миф баллады *Суд огня* получает окончательное осмысление, вписываясь в первую часть книги *Cor ardens* между дифирамбом *Огненосцы* и стихами о 1905 годе, *Година гнева* и *Сивилла*. В *Огненосцах* этот миф осмысляется воинственно-гуманистически: огонь - дар Прометея, огонь борется с тьмой в человеке и вне человека, утверждение мира совершается лишь через отрицание мира на каждом шагу: "Из Хаоса родимого, / Гляди - Звезда, Звезда!.. / Из НЕТ непримиримого - / Слепительное ДА!.." И, подробнее: "Любовью ненавидящей / Огонь омоет мир. / Ты, чающий, ты, видящий, / Разбей, убей кумир! / Непримиримой волею / Встречая Медузин лик! / Лишь огневою болию / Пронзенный, ты велик. И Факел - догорающий - / Предвестие Зари. / То - Феникс, умирающий / На краткий срок... Горит!.." (Любопытное совпадение: здесь говорится об огненной птице Феникс, а Эврипил из павсаниевского мифа был племянник Феникса, воспитателя Ахилла). Этот пафос борьбы и преодоления

сущего очень непохож на позднего Вяч. Иванова – того, который в *Переписке из двух углов* отстаивал мирное приятие культурной традиции, тогда как М.О. Гершензон отвергал прошлое и хотел начать все заново. Но это уже разница между духовной атмосферой накануне революции 1905 г. и атмосферой после революции 1917 г. Говорить об этом сейчас мы не можем; наше дело показать, как Иванов создает свой собственный миф, лишь в качестве точки отталкивания используя малоизвестный античный, павсаниевский миф.

·
·
·